

соприкосновения двух художников состоит не в прямых заимствованиях и не в непосредственном влиянии, а в преломлении и дальнейшем развитии «лермонтовского элемента» в лирике поэта иной эпохи и иной национальной культуры. Лермонтов сыграл тем самым значительную роль в собственной творческой эволюции Ваана Теряна.

Сходная по существу задача на гораздо более широком литературном поле поставлена и Р. Ф. Юсуфовым, показавшим, сколь различно был воспринят Лермонтов народностями Поволжья и Северного Кавказа. Выделив в самостоятельные культурно-исторические общности разные группы народностей, Р. Ф. Юсуфов установил общее и различное в восприятии ими творчества Лермонтова. По мнению исследователя, «у народов Северного Кавказа и Поволжья восприятие реалистического опыта русской классики начинается не с Пушкина, а с Лермонтова», потому что литературам этих народностей на первом этапе «перехода от средневековой литературной системы к поэзии нового времени, от романтически-обобщающего символического описания действительности к ее социально-историческому конкретному изображению» романтик-Лермонтов оказался ближе Пушкина-реалиста. В то же время ученый выделяет восприятие Лермонтова народностями Северного Кавказа и его писателями в особую — «северокавказскую» — рецепцию, причем как литературы Поволжья, так и литературы Северного Кавказа он рассматривает строго дифференцированно, учитывая их национально-историческое своеобразие. Относя к первой разновидности характер усвоения лермонтовских произведений литературами Северного Кавказа, Дагестана, Поволжья (татарская литература), Приуралья (башкирская литература), а ко второй — литературами Поволжья и Южной Сибири (хакасскую, якутскую, алтайскую), Р. Ф. Юсуфов заключает: «...если в первой разновидности мы были свидетелями своеобразной лиризации Лермонтова, то во второй, наоборот, наблюдаем своеобразную эпизацию лирики Лермонтова». Нельзя не согласиться с автором, что такого рода подход «открывает новые возможности для типологического изучения многонациональной советской литературы». К сожалению, повторим, подобный или сходный принцип составляет скорее исключение, чем правило, в сборнике, и в статье Р. Ф. Юсуфова замысел еще недостаточно реализован.

Из других статей этого раздела выделяется своевременный и удавшийся опыт анализа традиций Лермонтова в национальной литературе, принадлежащий перу И. Я. Заславского, и обстоятельная, отмеченная большой исследовательской культурой работа С. Г. Исакова.

В целом третий раздел сборника все же позволяет читателю составить представление о великой любви народов многонационального Советского Союза к Лер-

монтову. В нем собран огромный информативный материал. Из него читатель узнает, когда пришел Лермонтов к народам Белоруссии, Средней Азии, Закавказья, Прибалтики, Молдавии и других республик. В этом разделе охвачены литературы всех национальных республик и некоторых автономных (некоторых, поскольку нельзя объять необъятного). В отдельных статьях традиции Лермонтова прослежены тщательно, в других лишь намечены, потому что одни литературы дают богатый материал, позволяющий исследовать усвоение творчества Лермонтова инонациональной средой, а другие нет. При всей пестроте включенных в сборник статей в совокупности своей они демонстрируют сложность восприятия Лермонтова инонациональными культурами.

В то же время информационные задачи подчас заслоняют задачи исследовательские. Многие авторы как бы остановились на полпути: они сообщили факты, но не дали им научного объяснения, а порой не произвели их необходимого отбора, не выделив существенных, действительно характерных для восприятия Лермонтова той или иной национальной литературой и не попытавшись их обобщить.

С этой точки зрения от статей третьего раздела выгодно отличаются статьи первого раздела книги, в котором рассматриваются различные аспекты творчества Лермонтова, и второго — посвященного связям его с творчеством других русских писателей.

Так, обширный и целенаправленный фактический материал — в духе установления типологических сходжений и различий — сконцентрирован в статьях Л. Н. Назаровой «Тургенев и Лермонтов», В. И. Глухова «Традиции Лермонтова в романе Гончарова „Обыкновенная история“», К. Н. Ломунова «Могучая нравственная сила (Лев Толстой о Лермонтове)». В частности, в работе К. Н. Ломунова «Могучая нравственная сила» подчеркнута «нравственная значительность Лермонтова» для Л. Толстого. К. Н. Ломунов приводит мнение «великого писателя земли русской» о Лермонтове как поэте «самых высоких нравственных требований», о «чистоте его нравственного чувства». Л. Толстой нашел в Лермонтове нечто очень близкое и дорогое себе. Не забудем, что чистоту нравственного чувства отметил в Толстом Чернышевский. Свидетельство Л. Толстого лишний раз убеждает в проницательности суждений революционера-демократа и в то же время открывает угол зрения Толстого на Лермонтова. По-новому, серьезно и свежо сопоставлен Лермонтов с Блоком в статье И. Е. Усок «Лермонтов и Блок», рассмотревшей творческие связи двух великих поэтов в соответствии с художественной эволюцией Блока, отразившейся в трех томах его лирики. Существенное значение придает исследовательницей тому факту, что Лермонтов — поэт необычайной силы духа и беспощадной